

Бровкина Ирина Васильевна

**ЕДИНИЦЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ СЕМАНТИКИ
В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа

2009

Работа выполнена на кафедре общего языкознания
ГОУ ВПО "Самарский государственный педагогический университет"

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сеничкина Елена Павловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Чернова Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Евдокимова Елена Викторовна

Ведущая организация: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

Защита состоится "1" июля 2009 года в 10⁰⁰ час.
на заседании диссертационного совета Д. 212. 013. 02. при ГОУ ВПО
"Башкирский государственный университет" по адресу:
450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, д. 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО
"Башкирский государственный университет" (г. Уфа, ул. Фрунзе, д. 32).

Автореферат разослан "27" мая 2009 г

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000557969

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор филологических наук,
профессор
В.Л. Ибрагимова

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено изучению единиц неопределенной семантики, выявленных в прозе А. Платонова, в функциональном аспекте. В последней четверти XX - начале XXI веков в научных исследованиях, посвященных теме "Определенность/неопределенность (О/Н) в художественном тексте", убедительно доказывается, что категория неопределенности является концептообразующим, стилиобразующим фактором. Рассмотрено функционирование языковых единиц неопределенности в произведениях Н.В. Гоголя (Л.И. Еремина, 1987; Е.В. Падучева, 1997; Е.П. Сеничкина, 2001; Н.А. Давыдкина, 2004), в романах Ф.М. Достоевского (В.В. Виноградов, 1976; Ю.Н. Караулов, 1996; Н.Д. Арутюнова, 1999), Л.Н. Толстого (Л.И. Еремина, 1983). Важную роль неопределенные местоименные слова выполняют в рассказах А.П. Чехова (А. Чудаков, 1986; И.Н. Левина, 1988; С.А. Лишаев, 2000), в прозе Н.Г. Гарина-Михайловского (И.В. Зборовец, 1984), Б.К. Зайцева (Л.А. Горшкова, 2005). Например, Н.В. Гоголь использовал неопределенные единицы для создания комического эффекта, как средство организации языковой игры. Ф.М. Достоевский создавал с помощью неопределенных местоимений атмосферу таинственных полунамеков, тревожного ожидания; А.П. Чехов выражал произвольность, неопределенность душевных состояний. Тогда как другими писателями (например, И.А. Буниным, А.И. Куприным) неопределенные единицы в качестве средств выразительности не использовались.

Проза А. Платонова привлекает внимание необычно высокой частотностью употребления неопределенных единиц, особенно в произведениях крупной формы ("Чевенгур", "Котлован", "Джан", "Счастливая Москва", "Ювенильное море"). Данная сторона проявления своеобразия языка писателя не подвергалась специальному изучению. Сказанное выше определяет **актуальность** диссертационной работы.

Объектом исследования являются единицы неопределенной семантики, к которым относятся неопределенные местоимения (НМ) и местоименные наречия (НМН) с аффиксами *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *кое-*, *не-*, выявленные в прозе А. Платонова. **Предмет** исследования – особенности семантики и функционирования неопределенно-местоименных единиц в художественных произведениях А. Платонова.

Основная гипотеза исследования: НМ и НМН являются важным средством создания художественного мира А. Платонова, реализации идейного содержания произведений и отражения идиостиля писателя.

Цель исследования – дать характеристику семантики НМ и НМН, выявленных в прозе А. Платонова, их функции в разных произведениях, определить участие НМ и НМН в качестве средств выражения различных

функционально-семантических категорий, концептуально значимых в творчестве писателя. Цель определила постановку и решение ряда задач:

1) исследовать и критически осмыслить проблему изучения категории неопределенности в науке; 2) проанализировать филологическую литературу, касающуюся творчества А. Платонова; 3) кратко охарактеризовать стиль писателя, отметив наиболее яркие языковые черты; 4) исследовать особенности семантики НМ и НМН, применяемых писателем; 5) выявить и описать функции неопределенных единиц в тексте; 6) определить особенности функционирования неопределенных единиц в качестве средств выражения различных функционально-семантических категорий, выявленных в прозе А. Платонова.

Материалом исследования стали тексты произведений А. Платонова. Выбор материала не случаен. Платоновский прием неостранения ("нормализации ненормального" – О. Меерсон), метод сюрреализма, о котором говорят литературоведы-платоноведы, в том числе зарубежные (М. Любушкина-Кох, Й.У. Петерс), проявляют себя в специфике языкового выражения: аномальной лексической сочетаемости, семантической трансформации слова, высокой частотности единиц неопределенной семантики. Фактический материал составляет около 45000 единиц, выявленных методом сплошной выборки.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) Впервые творчество А. Платонова освещено в аспекте лингвистического анализа категории неопределенности;

2) На материале прозы А. Платонова системному изучению и описанию подверглись все лексико-семантические варианты НМ и НМН;

3) Единицы неопределенной семантики исследованы как средства выражения различных функционально-семантических категорий: ФСК неопределенности, неизвестности, минимальности и приближительности;

4) Впервые в русистике описание получили ФСК минимальности и ФСК приближительности как проявление идиостиля А. Платонова.

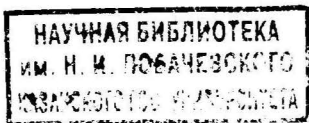
Основные положения, выносимые на защиту:

1. Частотность НМ в языке прозы А. Платонова определяется их важной ролью в создании художественной картины мира писателя.

2. Писатель использует максимально полный объем всех аффиксальных образований НМ и НМН.

3. В произведениях А. Платонова НМ являются средством выражения функционально-семантических категорий неопределенности, неизвестности, минимальности и приближительности.

4. Единицы неопределенности и выявленные ФСК значимы в выражении концептуально важных мотивов творчества писателя, в частности

антиномий реальность/иллюзия, жизнь/смерть; идеи смерти как духовного воскрешения, мотива странствия и возвращения.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она представляет собой определенный этап в развитии теории когнитивной семантики, поскольку результаты исследования раскрывают специфику применения НМ в творчестве отдельного писателя как средства выражения значимых для него концептов. Собранный и проанализированный материал способен стать основой для дальнейшей разработки понятия функционально-семантической категории. Проведенный анализ позволяет расширить представления об идиостиле А. Платонова.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования результатов проведенного исследования в вузовской учебной работе: в рамках спецкурсов, спецсеминаров по лингвистическому анализу текста, по теории дискурса; в школьных факультативах. Сведения об особенностях семантики НМ, подкрепленные иллюстративным материалом из художественного текста, могут быть использованы в лексикографической практике. Полученные данные можно адресовать широкому кругу филологов, связанных с преподаванием литературы.

Теоретико-методологическая база исследования:

- учение о категории определенности/неопределенности, разрабатываемое в трудах российских ученых В.С. Готта, А.Д. Урсула, И.И. Ревзина, Т.М. Николаевой, Е.П. Сеничкиной, А.Д. Шмелева и др.;

- исследования единиц неопределенной семантики А.Н. Гвоздева, С.М. Кузьминой, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Шмелева и др.;

- учение о художественной речи, разработанное в трудах В.В. Виноградова и получившее продолжение в теории лингвистического анализа художественного текста И.Р. Гальперина, Н.А. Купиной, В.В. Одинцова, Н.М. Шанского и др.;

- исследования языка А. Платонова, представленные в работах М.Геллера, М.А. Дмитривской, И.М. Кобозевой, Н.И. Лауфер, Т.Я. Ким, Ю.И. Левина, Ю.М. Михеева, Т. Б. Радбиля, И.А. Стернина и др.;

- теория функционально-семантических категорий В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, работы Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс, И.А. Стернина, ученых уфимской лингвистической школы Л.М. Васильева, Р.М. Гайсиной, В.Л. Ибрагимовой, А.П. Майорова

Методы и приёмы исследования. Основным является описательный метод с применением приёмов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения. В качестве вспомогательных привлекались метод языкового эксперимента; методика компонентного анализа; методика ситуативно-контекстуального анализа.

Апробация работы. Материалы исследования прошли апробацию на международных конференциях (Москва, 2006; Самара, 2006), Всероссийской конференции памяти Я.А. Ротковича (Самара, 2009); на ежегодных итоговых научных конференциях по кафедрам 1) общего языкознания и 2) русского языка и методики его преподавания в Самарском государственном педагогическом университете в 2005-2009 гг. Диссертация была обсуждена и допущена к защите на заседании кафедры общего языкознания Самарского педагогического университета, ноябрь 2008 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы. Приложение в виде диаграммы и таблицы отражают статистические данные.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обоснована актуальность темы, сформулированы гипотеза, цель и задачи исследования, определены новизна работы, теоретическая и практическая значимость, названа теоретико-методологическая основа исследования.

В первой главе "**Характеристика единиц неопределенной семантики**" описываются история изучения и современные подходы к анализу категории неопределенности в русском языке. Понятие неопределенности в русистике остается многоаспектным. Под определенностью/неопределенностью (О/Н) понимается: 1) противопоставление известного/неизвестного; 2) противопоставление фиксированного (конкретного, индивидуализированного, референтного) и нефиксированного (неконкретного, неиндивидуализированного, нереперентного); 3) противопоставление класса, абстрактного представителя класса и члена класса; 4) противопоставление ранее упоминаемого в тексте и впервые вводимого в текст (анафорические отношения); 5) противопоставление уверенности и неуверенности говорящего (субъективная модальность неопределенности); 6) противопоставление точности и неточности информации (С.М. Кузьмина, 1989). Многоаспектность О/Н как лингвистического феномена обусловлена тем, что разные языки выражают его по-разному. В безартиклевых языках нет специального грамматического средства выражения О/Н объекта. В русском языке используются как лексические, так и грамматические средства, но грамматические средства (падежи, союзы) не являются категориальными средствами передачи О/Н, поскольку значение неопределенности является для данных средств вторичным. Важным лексико-грамматическим средством категории неопределенности в русском языке является система неопределенных местоимений и наречий.

Согласно грамматическому подходу к категории О/Н, эта категория свойственна любому русскому предложению (А.А. Реформатский,

Ю.А. Рылов, И.И. Ревзин, Е.В. Гулыга и др.). Текстологическая концепция относит категорию О/Н к уровню текста, полагая, что данная категория обслуживает не предложение-конструкт, а предложение-высказывание или текст, являясь, таким образом, категорией текстовой (О.И. Москальская, 1981). Значения категории О/Н раскрываются только в контексте (М.И. Алехина, 1974; Т.А. Папенкова, 1973; Т.М. Николаева, 1982), потому она признается контекстуальной. Такое понимание категории О/Н приближается к рассмотрению ее как функционально-семантической. Одними из первых в таком аспекте ее рассматривали Е.М. Галкина-Федорук (1963) и Д.И. Фурсенко (1978). Д.Г. Киекбаев убедительно доказывает, что категория О/Н представляет собой универсальное языковое явление и в разных языках способна выражаться различными средствами (1967). Н.Ю. Шведова рассматривает категорию О/Н как исходную, базовую, "пронизывающую" весь строй языка (1998).

Современные исследования средств категории неопределенности в русском языке сосредоточены в области лингвистики текста (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, И.И. Ковтунова, Е.В. Падучева и др.). Обилие НМ составляет важную характеристику русского дискурса. А. Вежицкая подчеркивает, что в русском языке поле неопределенности гораздо богаче, чем в других языках.

НМ - это ядерное средство выражения категории неопределенности в русском языке, соответственно система неопределенных местоимений оказалась наиболее разнообразной по сравнению с другими языками. Являясь крайне разнообразной группой в грамматическом и семантическом отношении, НМ и МНН не раз становились предметом научного исследования. Так, в трудах М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, Г.П. Павского, И.И. Давыдова выявлялись сходства и различия НМ, имеющих разные аффиксы. Семантические и синтаксические особенности НМ описывали В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский. Н.Ю. Шведова называет местоимение средством формирования смысловых категорий.

Разнообразие семантических оттенков, присущее русским НМ, позволяет им обладать широким спектром коннотативных, экспрессивных значений. В трудах С.М. Кузьминой, Т.М. Николаевой, М.А. Шелякина, А.Б. Пеньковского показано, что НМ обладают многозначной структурой. Изучение и описание семантики НМ продолжается: НМ рассматриваются как одно из средств выражения неопределенности на уровне дискурса (Н.Д. Арутюнова, Е.Д. Падучева, Е.Н. Сидоренко), самостоятельным направлением становится стилистический аспект изучения НМ. Не теряет актуальности функциональный анализ средств неопределенности в художественном тексте.

Во второй главе "**Характеристика значений неопределенных единиц в прозе А. Платонова**" раскрывается семантическое наполнение неопределенных местоимений-прилагательных, местоимений-существительных, местоименных наречий. Описываются все выявленные лексико-семантические варианты НМ, особенности употребления каждого значения НМ в произведениях А.Платонова.

В основе семантического анализа неопределенных единиц лежит характеристика этих полисемантов С.М. Кузьминой (1989). В современной лингвистике исследования НМ ведется в нескольких направлениях: 1) описание проводится пословно: отдельно анализируется, например, НМ *какой-то* (О.П. Ермакова, Ю.И. Левин, Л.Я. Маловицкий, М.А. Шелякин); 2) попарно противопоставляются однокоренные НМ с разными аффиксами *кто-то* – *кто-нибудь* (Е.Н. Сидоренко); 3) целиком противопоставляются группы местоимений разных аффиксов (И.М. Кобозева, А.Б.Пеньковский, О.Н. Селиверстова). В нашей работе основополагающим является подход пословного описания. В 10 параграфах второй главы многозначная структура каждого НМ/НМН рассматривается в строгой последовательности: аффиксальные образования с *-то*, *-нибудь*, *-либо*, *кое-*, *не-*. Семантический анализ сопровождается статистическими данными частотности названных единиц, выявлены особенности употребления их А.Платоновым.

Раздел 1 включает анализ НМ-прилагательных *какой-то*, *какой-нибудь*, *какой-либо*, *кое-какой*, *некий*, *некоторый*. Исследование показало, что в произведениях А. Платонова наиболее частотно НМ *какой-то* (32% от общего количества местоимений-прилагательных).

а) Семантика НМ *какой-то* реализуется в пяти лексико-семантических вариантах (в работе используем термин "значение" с соответствующим порядковым номером варианта): 1) *какой-то* 1 "в момент речи неизвестно какой"; 2) *какой-то* 2 "точно не определяемый"; 3) *какой-то* 3 "небольшой, незначительный"; 4) *какой-то* 4 "не заслуживающий внимания"; 5) *какой-то* 5 "похожий на..., вроде".

Из пяти значений активно используются *какой-то* 1 "в момент речи неизвестно какой" и *какой-то* 2 "точно не определяемый". В первом значении ядерным является компонент неизвестности, связанный с разными факторами: незнанием имени, деталей, объекта; невозможностью вспомнить и др. (О "разновидностях" неизвестности см.: Е.П. Падучева, 1985). Так, в примере: *Никого не было... числился лишь какой-то Дванов, вызванный из Новохоперска* (Чевенгур) – неизвестность является следствием отсутствия знакомства с называемым лицом. В отличие от *какой-то* 1 НМ *какой-то* 2 не акцентирует внимание читателя на неизвестности признака и не предполагает потенциального устранения ее. Наоборот, более точное

определение объекта является ненужным, несущественным для рассказчика: *Снег пошел чаще и жестче, – какой-то набредший ветер начал производить вьюгу* (Котлован).

Наши наблюдения позволили выявить у НМ *какой-то* (в рамках значения "точно не определяемый") оттенок, не отмеченный в дефинициях словарей как отдельный ЛСВ: в текстах А. Платонова употребление НМ *какой-то* при "невозможности определить" порождает приблизительность наименования – так называемую приблизительность номинации (в терминологии С.Л. Сахно, И.А. Стернина). Такое явление характерно для окказионального контекстного сочетания НМ *какой-то* с абстрактным существительным или со словом семантически переосмысленным. Напр.: *Козлов имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу* (Котлован); *Слесарю понравилась какая-то прелесть в почерневшем от усталости мальчугане, нищенствовавшем без всякого внимания к подаянию* (Чевенгур). Автор использует определение-местоимение *какой-то*, так как испытывает затруднение обозначить предмет речи. НМ *какой-то* способно быть характеризующим средством, приобретая оценочный эмоционально-пренебрежительный оттенок (*какой-то* 4 "не заслуживающий внимания"). НМ с таким значением для стиля А. Платонова не характерны, примеры употребления редки: *Никакой кавалерии и не было! А просто – верховые бандиты! Выдумали какого-то генерала Любославского, – а это атаман из Тамбовской губернии* (Сокровенный человек). НМ *какой-то*, внося в характеристику персонажа явно негативную оценку, способствует противопоставлению понятий генерал/атаман, армия/банда.

б) НМ *какой-нибудь* (29% от общего числа НМ-прилагательных) выступает в пяти значениях. Наиболее частотны значения *какой-нибудь* 1 "безразлично какой" и *какой-нибудь* 2 "тот или иной, точно не определяемый", выражающее значение неопределенности. *Какой-нибудь* 3 в значении "небольшой, незначительный" менее частотно, но функционально важно как средство выражения минимальности проявления признака.

в) НМ *какой-либо* (10,6%) имеет два значения. Значение полисеманта *какой-либо* 2 "тот или иной, точно не определяемый" часто представлено в прозе А.Платонова. Специфику авторского стиля отражают многочисленные факты окказионального употребления НМ *какой-либо* (вместо узуального *какой-нибудь*) как стилистически чужеродного элемента в окружении обиходно-бытовой лексики в бытовых зарисовках, в прямой речи персонажей. (Гопнер: *"Ему надо жижку какую-либо сварить!"*).

г) НМ *кое-какой* (два значения) А. Платоновым не используется.

д) Употребление НМ с приставкой *не-* в прозе А. Платонова обладает разной частотностью. Случаи употребления НМ *некоторый* 1 "небольшой, незначительный" (в сочетании существительным "время") единичны. Количество НМ *некоторый* 2 "точно не определяемый" невелико, но при этом их отличает ярко выраженная особенность употребления – необычная лексическая и/или стилистическая сочетаемость, воспринимающаяся как отступление от нормы. Например: *Нор-Мухаммед чувствовал сейчас не только удовольствие, но он даже пошевеливался в некотором танце, видя в людях их последний песчаный сон* (Джан).

е) НМ *некий* имеет два значения: 1) "точно не определяемый"; 2) "небольшой, незначительный". В дефиниции словаря МАС указана такая особенность: "*употребляется в сочетании с фамилией, именем, когда говорится о мало кому известном человеке*". Наши наблюдения показали, что, сочетаясь с нарицательным существительным, НМ *некий* является характерным для А. Платонова средством номинации персонажа: он вводится в повествование как неопределенное лицо (например, *бедняк, человек*), "приобретая" по ходу сюжета имя собственное: *У заставы колхоза стоял некий, старый уже, человек, с милым, но грозным лицом и смотрел на меня* (Впрок). И напротив, будучи употребленным при имени собственном, НМ *некий* акцентирует оттенок обезличенности конкретного лица, имеющего имя. Например: *Жил на свете и томился некий Злов, потом его расстреляли на хозяйственном дворе в рославльской тюрьме... сожгли... и ничего не осталось от человека... в безымянном почвенном прахе* (Девушка Роза).

Результаты анализа НМ-прилагательных показали: явно преобладающими являются значения неизвестности лица, признака (НМ *какой-то* 1); значение "тот или иной, точно не определяемый", выражаемое НМ *какой-нибудь* 2, а также синонимичными *некоторый* 2 и *некий* 1.

В разделе 2 представлены две группы НМ-существительных: *кто-местоимения* и *что-местоимения* с различными аффиксами.

1. Наиболее частотными в группе *кто-местоимений* являются НМ с аффиксами *-то* и *-нибудь*. Аффикс *-то* передает различные оттенки неизвестности: субъект не виден воспринимающему персонажу, отсутствует в момент речи или он только предполагается как деятель (в ирреальном контексте). а) Семантика неизвестности НМ *кто-то* 1 "неизвестно кто" важна в характеристике "устройства" будущей жизни чевенгурцев: новые понятия - пролетариат, коммунизм, нэп - остаются для героев А. Платонова непонятными, неизвестными. Напр.: *И хотя мы низовая масса, мы самая красная гуща, но нам кого-то не хватает и мы кого-то ждем! Кто-то* 2 'какой-то человек, точно не называемый' особенно со-

держательно нагружено в повести "Джан", оно используется для выражения точек зрения персонажа и авторизованного рассказчика.

б) НМ с аффиксом *-нибудь* имеют три значения. В текстах А. Платонова активно используется 1-ое "безразлично кто" (в ирреальных контекстах, которые не предполагают снятия неопределенности) и 2-ое "тот или иной" - обычно в ситуации с неизвестным участником. При этом НМ *кто-нибудь* 2 сочетается с глаголом конкретного действия, однако само действующее лицо не требует конкретизации: *Изредка кто-нибудь выходил посмотреть овец, ишаков и верблюдов, потом снова возвращался* (Джан).

Нами выявлена специфика употребления НМ *кто-нибудь* 2 в детских рассказах писателя. Посредством этого НМ передается особенность восприятия окружающего мира детьми: неопределенный объект *кто-нибудь* в восприятии ребенка соотносится не только с человеком, но и с животным, неживым предметом, даже с нереальным "нечто", существующим только в детском воображении.

в) Аффиксальные образования с *-либо* и *кое-* в текстах А. Платонова крайне редки, НМ *некто* писателем не употребляется.

2. **Что-местоимения.** а) НМ *что-то* 1 "какой-то предмет, неизвестно что" отличается наибольшей частотностью употребления среди членов всей группы НМ-существительных. Особенно им насыщены фрагменты, описывающие ментальную или эмоциональную сферу персонажей. Напр., в романе "Чевенгур": *Прочие не слушали Якова Титыча и побрели вразброд, чувствуя, что каждому чего-то хочется, только неизвестно - чего.* НМ *что-то* часто выражает значение неизвестности предмета речи/мысли платоновских персонажей: *Чепурный, не думая, хотел что-то сказать и не мог этого успеть. Что-то 2 "точно не определяемый" при глаголах физического действия, имея предметный характер, обычно не требует конкретизации (...ладил что-то у плетня).*

б) НМ *что-нибудь* имеет три значения. В прозе А.Платонова активно используются 1-ое и 2-ое. При употреблении *что-нибудь* 1 "безразлично что" неважны конкретизация, возможность идентификации предмета, явления, о которых идет речь, — это "все равно какой" предмет/объект. Важно только то, что предмет, признак, явление наличествуют. Для НМ *что-нибудь* 1 типичны контексты модальные, отражающие действия желательные или предполагаемые. Осуществленный анализ выявил важную стилистическую примету творчества А. Платонова: в сочетании с частицей *хоть* в семантике НМ *что-нибудь* актуализируется количественный оттенок "немного": *Я сам знаю, что надо хоть что-нибудь сделать!* (Сокровенный человек) = "хоть немного, а сделать". НМ *что-нибудь* 2 "какой-нибудь 2 предмет", "точно не называемый" указывает на наличие того или иного предмета/объекта, точная характеристика которого невозможна

или неизвестна говорящему, используется в ситуациях дистрибутивности, альтернативы. В произведениях А. Платонова *что-нибудь* 2 отличается высокой частотностью употребления.

в) НМ *что-либо* не свойственно разговорной речи. В художественном повествовании *что-либо* также менее частотно, чем синонимичное ему *что-нибудь*. Однако в произведениях А. Платонова НМ *что-либо* используется довольно активно. Обычно в сочетании с постпозитивным определением выступает НМ *что-либо* 1 "какой-либо 1 предмет": *Бабушка не старалась выдумать что-либо другое хорошее или более лучшее* (Июльская гроза).

г) Основное значение НМ *кое-что* "некоторые вещи" служит обозначением предмета/объекта, прямое название которого несущественно для говорящего. Писателю свойственно употреблять НМ *кое-что* как наименование не предметных реалий, а неопределенного абстрактного объекта.

Результаты анализа: в прозе А.Платонова количественно преобладают НМ-существительные. со значением неизвестности (*кто-то*1, *что-то*1), "безразлично кто/что", "тот или иной" (НМ с *-нибудь*). В ряде случаев (в частности, в сочетании с *хоть*) в НМ *что-нибудь* и *кто-нибудь* актуализируется семантический оттенок минимальности проявления признака.

В разделе 3 рассмотрены группы НМН: места, времени, причины, цели, образа действия. Последовательность рассмотрения наречий разных разрядов определена частотностью их употребления в произведениях А. Платонова.

К НМ места (54% от общего количества НМН) относятся аффиксальные образования от основ *где-*, *куда-*, *откуда-*.

а) НМН с аффиксом *-то*. У НМН *где-то* выделяется пять значений: 1) "в каком-то 1 месте (неизвестно где)", 2) "в каком-то 2 месте (в точно не называемом месте)", 3) "в некоторых местах", 4) "приблизительно", 5) "в каком-то отношении". Активно используется *где-то* 1, *где-то* 2. При этом типичной для повествования А.Платонова является локальная характеристика объекта, пространственно удаленного от говорящего: *Лишь где-то в утолкнутом поле ехала последняя крестьянская телега, удаляясь отсюда в сумрак вечера* (Рассказ о мертвом старике).

НМН *куда-то*, *откуда-то* 1 "в какое-то место, неизвестно куда", "из какого-то места, неизвестно откуда" в романах А.Платонова не только высокочастотны, но и чрезвычайно важны содержательно. В частности, в романе "Чевенгур" контекст, окружающий НМН *куда-то*, как правило, не содержит лексем, конкретизирующих направленность движения; отсутствие "вектора" направления часто подчеркивается безличной конструкцией. Например: *Копенкин... чувствовал себя печальным, и сердце его тянуло ехать куда-то дальше.*

б) НМН места с аффиксом **-нибудь**. Выступают в двух значениях: 1) "безразлично где", 2) "в том или ином месте"; оба достаточно частотны: *Москва часами смотрела в невозвратное пространство. "Уйду, уйду я куда-нибудь", - шептала она одно и то же* (Счастливая Москва). Особенным у Платонова является такой вариант употребления *где-нибудь* 1, когда НМН утрачивает собственно локальную характеристику и указывает в равной степени на неопределенность места и времени возможного события: *Ты своего добьешься, Пухов! Тебя где-нибудь шпокнут! – серьезно сказал секретарь ячейки.* (Сокровенный человек).

Группу НМ времени (28%) составляют аффиксальные образования с основой *когда-:* *когда-то*, *когда-нибудь*, *когда-либо*, *кое-когда*, *некогда*, а также НМН *как-то*, *как-нибудь*. В прозе А.Платонова частотность их употребления существенно различна.

Самая объемная группа – НМН с аффиксом **-то**. Назначение наречия ***когда-то*** 1 "некогда в прошлом" – выделить один момент/период в прошлом. Для А.Платонова характерно включение НМН *когда-то* 1 в контекст с сочетаниями *так же как*, *такой же*, *тот же*, наречиями времени *опять*, *теперь*. Создается подтекстовый смысл некоего повтора жизненного круга героя – "уже было", погружения его в прошлую жизнь или вторичного рождения – концептуально значимый для писателя смысл. Устойчивость такого словоупотребления (особенно в повести "Джан") позволяет утверждать, что НМН *когда-то* является средством создания особого авторского приема реализации концепта жизни/смерть.

НМН ***как-то*** способно указывать на неопределенное время совершения действия. В повествовании наречие *как-то* позволяет приблизить к адресату описываемые в прошлом события, перенести читателя в то время, в котором мыслит себя говорящий, повествователь. (Понятие "время говорящего" использует Ю.Д. Апресян): ***Как-то*** *приехал Шариков и говорил сразу Пухову, как будто всю дорогу думал об этом* (Сокровенный человек).

Использование НМН *когда-нибудь* 1 "в какое-нибудь время" употребляется в прозе А.Платонова при описании будущего; типичным является употребление в контексте ирреальной модальности. Например, у А. Платонова: *"Я думал только, чтоб было счастье когда-нибудь в батрацком котле..."* (Впрок).

Высокий уровень частотности показывает НМН ***некогда***.

НМН ***некогда*** отличается от нейтрального *когда-то* стилистической маркированностью, книжным характером. Но Платонову свойственно активное употребление наречия ***некогда*** при описании ситуаций обиходно-бытового характера. Напр.: *То место, где неподвижно стояла корот-*

коногая лошадь, оказалось *некогда* полноводным, но теперь исчезнувшим прудом – и лошадь утонула ногами в илстом наносе (Чевенгур).

Количество НМН образа действия *как-то*, *как-нибудь*, *кое-как* относительно наречий других разрядов невелико. НМН *как-то* имеет значение "каким-то образом, так или иначе", в текстах произведений А. Платонова в большинстве случаев сочетается со словами категории состояния, являясь, по сути, средством выражения семантики приближенности обозначения чувства или восприятия персонажа (*стыдно как-то*, *интересно как-то*). НМ-наречие *как-нибудь*, синонимично наречию *как-то* в значении "каким-то образом, так или иначе". НМН *кое-как* не свойственно повествовательной манере писателя.

Результаты анализа: Существенное преобладание в общем числе НМН наречий места объясняется важностью понятийной категории пространства в содержании произведений А. Платонова. Так, в романе "Чевенгур" частотность употребления НМН куда-то "неизвестно куда" в описании движения персонажей в поисках "новой" жизни подчеркивает хаотичность, ненаправленность, отсутствие конечной точки, цели движения. Активно употребляются писателем наречия времени со значением отнесенности события к прошлому/будущему. НМН когда-то "некогда в прошлом" является организующим элементом авторского приема погружения персонажа в прошлое, мотива возвращения, возрождения. Общий вывод: "сквозными" являются семантические компоненты неизвестности (неизвестно какой, кто/что, где); неопределенности признака, объекта, приближенности их описания.

Третья глава "**Функционирование единиц неопределенности в творчестве А. Платонова**" представлена двумя разделами. Раздел 1 посвящен краткой характеристике творчества А. Платонова: освещаются проблемы изучения творчества писателя, отражаются особенности языка и стиля А. Платонова. Во втором разделе исследуется функционирование НМ и НМН в качестве средства выражения различных функционально-семантических категорий, а именно: ФСК неизвестности (§ 1), неопределенности (§ 2), минимальности (§ 3) и приближенности (§ 4).

В разделе 1 рассмотрены общие проблемы изучения творчества А. Платонова. Одна из них – трудности публикации авторитетных изданий. На юбилейной конференции (1999 г.) было отмечено, что к столетию писателя не вышло ни одного тома текстологически надежного собрания сочинений – каждый исследователь вынужден ссылаться на разрозненные издания. Остро актуальным остается вопрос о текстологии издаваемых ныне сочинений (Н.В. Корниенко).

История изучения творчества писателя показывает, насколько противоречивыми были оценки его как художника – от резкого неприятия до

признания гениальности. Существующие в современном платоноведении разнообразие оценок произведений писателя, неоднозначность трактовок, порой взаимоисключающих, имеют различные причины. См., например: "А. Платонов не писатель, во всяком случае, не литератор. Энергия бытия, которая заключена в его произведениях, превышает всякие разумные литературные, да и просто человеческие мерки, именно поэтому весь современный литературоведческий аппарат так беспомощен в отношении его произведений..." (И. Болычев).

На мировоззрение писателя существенное влияние оказали философия "всеединства" Вл. Соловьева "; взгляды оригинального русского философа Н. Федорова, утверждавшего необходимость "обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода", его вера в преодоление смерти; понимание Н. Бердяевым русского революционного социализма "как решения судеб человечества, как наступления царства Божьего на земле". А. Платонов принимал идею богостроительства А. Богданова и А. Луначарского, заключавшуюся в слиянии человека с природой с целью возникновения качественно нового сверхорганизма.

Далее в разделе 1 раскрываются проблемы филологического плана, связанные, в частности, с трудностью определения жанровых рамок крупных произведений писателя. Собственно лингвистические проблемы возникают при попытке объяснить и каким-то образом квалифицировать необычные языковые явления в художественной картине мира А. Платонова: "Станный" язык писателя "есть воплощение не менее странного художественного мира, стоящего за текстами его произведений" (Т.Б. Радбиль); "поражающий всех" язык (В. Смирнов); "небывалый – более того – невозможный язык" (С. Федякин); "высокое косноязычие" (Д. Давыдов); "странноязычный" писатель (С. Залыгин), "язык смыслов" (И.А. Стернин); "намеренное косноязычие или бессильно-невольные "затруднения" речи?" – подзаголовок статьи М.Ю. Михеева.

Исследователи анализируют аномальную лексическую сочетаемость (Ю.А. Алемасцева, Ю. Михеев, А. Эпельбоин), семантическую трансформацию слова (Т. Б. Радбиль, И. А. Стернин, Н.А. Кожевникова, М. Шимонюк), тематические группы слов (Л.Г. Бабенко), ключевые слова и символы (Т.Я. Ким, М. Любушкина), мифологемы (М.А. Дмитриовская, Ю.Г. Пастушенко). Нет единого определения манеры письма А. Платонова: авангардизм, сюрреализм, неостранение – прием "нормализации ненормального" (О. Меерсон) – в противоположность понятию "остранение", описанному В. Шкловским. На наш взгляд, точнее всего определение М. Любушкиной и Й.У. Петерса – сюрреализм. Как видим, говоря о творческой манере А. Платонова, ученые сталкиваются с невозможностью дать однозначное определение его мировидения и идиостиля.

Практически неисследованным аспектом в творчестве писателя является проявление философской категории О/Н. В платоновских текстах категория О/Н представлена лексически, морфологически, синтаксически. Высокой частотностью употребления единиц неопределенности особенно отличаются роман "Чевенгур", повести "Котлован", "Счастливая Москва", "Джан", что, безусловно, связано со сложностью идейно-философского содержания этих произведений.

Один из аспектов характеристики идиостиля, ранее не исследовавшийся, – функционально-семантические категории, посредством которых реализуется художественный замысел писателя. Их анализу посвящен раздел 2.

В § 1 представлена ФСК **неизвестности**. Понятие "категория неизвестности" в лингвистическую литературу введено О.Б. Акимовой. В монографии ученого (1999) ФСК неизвестности получает подробное описание. Неизвестность подразделяется на полную и неполную. Полная неизвестность не соотносится с неопределенностью, так как неопределенность подразумевает наличие хоть каких-то сведений. Неопределенность – это то, о чем говорящий слышал или имеет поверхностное представление, а неизвестность – это то, о чем говорящий вообще не знает. Оттенки ФСК неизвестности представляет собой градационную шкалу, на которой в рамках оппозиции "полная неизвестность" – "полная известность" содержатся частные значения: неточность, приблизительность, неопределенность, неясность, непонятность, нечеткость, неизвестность-вопросительность, неизвестность-гипотетичность, обобщенность (О.Б. Акимова).

Специализированными средствами выражения частичной неизвестности являются неопределенные местоимения и наречия. Значение неизвестности свойственно только НМ и НМН с аффиксом *-то*, причем, как показывает анализ, именно первому лексико-семантическому варианту многозначного НМ/НМН с аффиксом *-то*, в словарях обозначенному цифрой 1. В результате осуществленного исследования в прозе А. Платонова выявлены такие сферы неизвестности:

1. Неизвестность в восприятии объекта. НМ **кто-то** 1 "неизвестно кто" соотносится с конкретным, но неизвестным говорящему референтом. Напр.: *В глубине города кто-то стрелял, и неизвестные люди ехали на телегах* (Сокровенный человек). У Платонова НМ **кто-то** способно выражать полную неизвестность в контексте гипотетической реальности, когда персонаж воспринимает себя как бы со стороны: *Ему показалось, что он с кем-то вдвоем: он видел одновременно и ночлежную хату, и самого себя, лежащего на печке* (Чевенгур); ...*Во мне есть еще кто-то*.

Этот кто-то, таинственный "он"... иногда плачет, хочет уйти из тебя куда-то далеко, ему скучно, ему страшно..." (Счастливая Москва).

2. Незнание в выражении внутренней сферы субъекта. Ядром поля неведения являются НМ *что-то*, *какой-то*. НМ *что-то* реализует значение неведения предмета размышления в сочетании с глаголами речи: *...Ходили какие-то худые люди и думали о чем-то будущем* (Чевенгур). Активное употребление что-то с лексемами интеллектуальной и эмоциональной сферы отражает характерное для творческой манеры А. Платонова слияние сфер интеллектуальной и эмоциональной или, напротив, резкое разделение ума и сердца человека в восприятии и осознании фактов. Напр.: *Старик... погоревал что-то про себя и ничего не произнес на помощь; После чтения [книги Карла Маркса] Чепурный ничего не понял, но ему полегчало. "Формулирую, Прош, – мирно сказал он, – я что-то чувствую"* (Чевенгур). Мысль платоновских героев – на уровне ощущений. (Наши выводы и примеры подтверждают аналогичные наблюдения Т.Б. Радбиля). НМ со значением неведения функционально значимы в характеристике "устройства" жизни чевенгурцев.

Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод: Посредством ФСК неведения реализуется характерный для А. Платонова прием характеристики внутреннего мира главных персонажей: двойственность самовосприятия, "раздвоение" личности, растворение границы ощущения яви/сна; а также искаженное понимание ими жизни, разрушительное несоответствие их представлений и реальной действительности.

3. Незнание в выражении пространственных отношений (ядром семантического поля неведения локализации являются НМН с аффиксом *-то*: *куда-то* и *где-то* в сочетании с глаголами движения): *Где-то в районе Сары-Камыша, Усть-Урта и дельты Амударьи блуждает и бедствует небольшой кочевой народ из разных национальностей* (Джан); *Человек куда-то пошел себе по степи; ...Значит, жили где-то люди, кроме коммунизма, и даже ездили куда-то* (Чевенгур).

ФСК неведения особенно значима как средство характеристики физического пространства и передвижения в нем героев романа. Мотив странствия – один из важнейших в поэтике А. Платонова, в романе "Чевенгур" он концептуально важен. (Герои "Чевенгура" *брели постоянно, уходили в неизвестность, идут неизвестно куда*). Частотное употребление НМН *куда-то* в описании движения подчеркивает его ненаправленность, создает впечатление хаотичности – это движение, не имеющее конечной точки. Результаты проведенного нами лингвистического анализа соотносятся с выводами платоноведов о специфике авторского восприятия пространства и времени (М.А. Дмитриевская, Т.Б. Радбиль), о "симметричной

обратимости" пространства (Е.А. Яблоков), об опустошении, размывании его границ (Д.Замятин), "пустоте топосов Платонова" (В. Подорога).

В § 2 рассматривается ФСК неопределенности.

Важнейшим средством выражения всего спектра значений ФСК неопределенности являются местоимения с различными аффиксами: *-то, -либо, -нибудь, не-*. ЛСВ, передающий значение неопределенности, в толковых словарях обозначается как *"до некоторой степени сходный, напоминающий кого-нибудь, что-нибудь"*, *"о ком-нибудь, точно не известно"* (СО); *"употребляется при затруднении вполне точно определить качество, свойство, характер чего-либо; неизвестно, неясно"* (МАС). Максимально полно функция выражения неопределенности реализуется местоимениями с аффиксом *-то*: *какой-то, что-то, кто-то*. (Во второй главе настоящей работы эти ЛСВ маркированы цифрой 2). Они составляют ядро поля неопределенности.

1. В характеристике предметных реалий НМ *какой-то* наиболее часто употребляется в сочетании с последующим прилагательным-определением. Это может быть прилагательное а) не содержащее в семантике компонента "неопределенность" и б) с названным компонентом (типа *смутный, неясный*). Например: а) *Все конверты назвались другим людям, и внутри конвертов лежали **какие-то** неинтересные письма* (Фро); б) *Шестие повернуло за угол стены, гробовщики скрылись за **какими-то** неопределенными предметами* (Мусорный ветер). Референт обозначен, но восприятие его невятно, неконкретно и вряд ли требует конкретизации. (Последний случай В.Г. Гак определяет их как "ненужность конкретной информации о предмете"). В примере а) "ненужность" конкретного знания о предмете дана с точки зрения персонажа – Фроси, ждущей писем только от мужа: НМ подчеркивает равнодушное отношение героини к чужим письмам.

Необычность роли НМ *какой-то* в характеристике внутреннего мира человека выражается в следующем. Традиционно многие писатели, детально перечисляя нюансы чувств и ощущений (обычно через ряд однородных членов), стремятся уточнить, конкретизировать состояние героя. Платонов же, наоборот, усиливает неясность, неточность определений с помощью НМ *какой-то*. Например, в описании любви к приемному сыну: *Захар Павлович ни в чем не мешал Саше – он любил его всею преданностью старости, всем чувством **каких-то** безотчетных, неясных надежд* (Чевенгур).

2. НМ *что-то*. ФСК неопределенности активно проявляет себя посредством НМ *что-то* в характеристике персонажей, выражая неясность, неустойчивость эмоционального состояния субъекта. Напр.: *Умрищев давно уже говорил, сам не понимая о чем, а только чувствуя **что-то***

доброе (Ювенильное море.) Значительное количество *что-то* в конструкциях ирреальной модальности с предикатом, включающим слова категории состояния и глаголы *ждать, хотеть, надеяться*, нами отмечено в "Джан", где категория неопределенности служит для выражения основного мотива повести – противостояние жизни и смерти народа джан.

Для художественного стиля А. Платонова характерно нагнетание единиц неопределенности в пределах небольшого по объему контекста, в т.ч. включение нескольких НМ в одно предложение: *Но что-то тихое и грустное было в природе – какие-то силы действовали невозвратно.*

В § 3 описана ФСК минимальности. В научный оборот термин "категория крайности" ввела Т.М. Николаева. Так, в контексте */Дай бумаги! Ключок какой-нибудь дай! – приставал Штольц /* ученый усматривает значение минимальности выбора. Компонент "незначительности, минимальности, крайности" в семантике НМ-*нибудь* отмечает Е.П. Сеничкина. Реальность существования категории минимальности находит подтверждение и в ходе семного анализа НМ, проводимого С.М. Кузьминой. "Значения уступительности или уничижительности", выявляемые Н.А. Янко-Триницкой в контексте */ Он подумал, что хорошо приладить бы какой-никакой парус, тогда дело пошло бы вовсе здорово /*, на наш взгляд, очевидно содержат в себе компонент минимальности. Есть основания утверждать, что местоименное образование *какой-никакой* – одно из средств выражения категории минимальности. Это становится возможным за счет деривационной особенности местоименных производных указанного типа: второй частью слова-повтора является отрицательное местоимение *-никакой*, а значит, обозначенное качество предмета *какой-никакой* в примере обнаруживает направленность из зоны наличия в зону отрицания (или, по терминологии Н.Ю. Шведовой, из сегмента определенности/неопределенности в сегмент несуществования), что подтверждает убывание, минимальность проявления признака или действия.

Полагаем, что ФСК крайности может быть представлена как бинарная: полярными точками оппозиции являются значения (субкатегории) минимальности и максимальности. Проявляются они на разных уровнях языка, например: 1) оппозиция суффиксов-димиутивов и увеличительных: *домище//домик; здоровущий//малюсенький* ("максимальное проявление качества"//"минимальное проявление качества"); 2) оппозиция минимальности/максимальности способов глагольного действия: *приоткрыть, прихлебнуть* ("не в полную меру, немного, ненадолго") // *долбануть, хлеббануть* ("с максимальной силой"). Специфическим синтаксическим средством выражения значения максимальности являются устойчивые экспрессивные обороты типа *любить так любить, гулять*

так гулять, которые передают крайнюю степень проявления чувств и действий, свойственную русской ментальности.

В нашей работе внимание сосредоточено на исследовании одного полюса категории крайности – субкатегории минимальности, в дальнейшем называемой ФСК минимальности.

Средства выражения ФСК минимальности: 1) НМ с аффиксом *-нибудь*; 2) частица *хоть* в сочетании с НМ-*нибудь*; 3) составные местоимения типа *какой-никакой*, 4) слова с семой "мало"; 5) служебные аффиксы, в частности диминутивы; 6) конструкции типа *еле-еле видно, чуть слышно*, указывающие на убывание процесса до минимума.

Ядерным средством выражения ФСК минимальности являются НМ с аффиксом *-нибудь*. Наиболее частотны в текстах А. Платонова *что-нибудь, кто-нибудь, какой-нибудь, как-нибудь* (во второй главе нашей работы они маркированы цифрой 1).

Важно отметить, что в словаре МАС назван лексико-семантический вариант 3 "небольшой, незначительный", но употребление его ограничено контактами с лексемами количественного значения (*час, метр* и т. п.), тогда как, по нашим наблюдениям, семантика минимальности потенциально заложена именно в НМ-*нибудь* 1 с основным семантическим компонентом "безразлично".

Нами выявлены следующие "разновидности" минимальности, выражаемые НМ с *-нибудь*: а) минимальность объема/количества (в случае объекта при глаголах физической, рече-мыслительной деятельности); б) минимальность выбора (из совокупности предметов, лиц); в) минимальность признака; г) минимальность меры или образа действия; д) минимальность признака признака; е) минимальность времени, пространства. Определены несколько видов контекста, характерных для ФСК минимальности в текстах А. Платонова: 1) НМ в сочетании с частицей *хоть*; 2) в контекстном окружении лексем с семой *мало*; 3) в соседстве с отрицательными местоимениями.

В платоновском повествовании постоянно речь идет о трудности, скудности существования людей. Например, герои А. Платонова, строящие непонятный им коммунизм ("Чевенгур"), лишены или лишают себя элементарного условия жизни – еды. Минимум потребностей для жизни – в словах одного из персонажей: *Дванов вспомнил старого, еле живущего Захара Павловича. "Саша, – говорил, бывало, он, – сделай что-нибудь на свете, видишь, люди живут и погибают. Нам ведь надо чего-нибудь чуть-чуть"*.

Отличительной особенностью художественного языка А. Платонова является контекстное соседство НМ-*нибудь* со значением минимальности с отрицательными местоимениями. Особенно частотны контакты неоп-

ределенных и отрицательных единиц в романе "Чевенгур": *Он пропел все песни, какие помнил наизусть, хотел о чем-нибудь подумать, но думать было не о чем; Четурный почувствовал, что взамен степи, домов, пицци и одежды, которые приобрели для себя буржуи, пролетарии на кургане имели друг друга, потому что каждому человеку надо что-нибудь иметь...* (В предложении содержится скрытое отрицание: из контекста ясно, что пролетарии не имеют ничего, что имели "буржуи").

В приведенных примерах НМ *что-нибудь* является средством выражения категории минимальности, местоимение *ничто* – средством выражения отрицания. Семантика минимальности находится на пути от неопределенности к несуществованию. Прямым текстовым подтверждением является платоновское определение пролетариев в романе "Чевенгур" – *несуществующие люди*. Отрицательное местоимение *никто/ничего* становится ключевым в определении живых людей, попавших в глобальный исторический эксперимент: *Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а никто!* То же - в романе "Счастливая Москва" [Комягин о себе]: *Я последняя категория, я вневойсковик, почти ничто... Охотно согласился Комягин: "Я человек ничто"*.

Осуществленные нами наблюдения являются подтверждением теории Н.Ю. Шведовой о системе русских местоимений как слов, заключающих в себе наиболее общие, глобальные смыслы, представляющие материальный и духовный мир человека. Анализ прозы А. Платонова показывает, что в его повествовании, особенно в текстах романов "Чевенгур" и "Котлован", движение от наличия (предмета, признака, действия - любой реалии) к отсутствию – важнейший художественный прием, концептуально значимый.

В § 4 дается характеристика ФСК **приблизительности**. Коммуникативная функция языка базируется на его способности давать наименования предметам, признакам, процессам действительности – иначе говоря, на способности номинации. Номинация может быть неточной, приблизительной. С.Н. Сахно (1983), анализируя явление приблизительной номинации на базе французского языка, рассматривает соотношение таких явлений, как *приблизительность/неопределенность*, *приблизительность/модальность*, *приблизительность/интенсивность*, *приблизительность/косвенная номинация* и др. При этом исследователь делает оговорку, что приблизительные номинации не имеют четких границ, пересекаясь с такими явлениями, как неопределенность, метафоризация (переносная номинация). Возможны различные совмещения этих явлений, то есть случаи переходного, синкретичного типа номинации.

Приблизительная номинация – явление системного характера, так как, во-первых, оно связано с обозначением различных реалий (референтов) окружающей действительности: объектов (*на ней что-то вроде накидки*), признаков (*ткань какого-то блеклого цвета*), процессов (*он почти доплыл до берега*), количества и меры отношений (*было около десяти книг; спорил весьма убедительно*), отношений (*приходите часам к шести*). Во-вторых, приблизительность обозначений проявляется на разных уровнях языка. Средством выражения приблизительности служат, например, фразеологизмы (*ни рыба ни мясо*), порядок слов (*минут пять*), интонация.

И.А. Стернин на материале художественной речи рассматривает явление приблизительной номинации в ином ключе, а именно подвергая анализу нестандартную (нетипичную) лексическую сочетаемость в текстах А.Платонова, т.е. проводя исследование в семантическом аспекте.

Нами ставилась задача определить, какое место в системе языковых средств выражения приблизительности занимают НМ, какие именно аффиксальные образования продуктивны. Активным средством выражения ФСК приблизительности являются НМ *какой-то* и *что-то*.

1. Посредством НМ *какой-то* приблизительно обозначается: а) признак реального объекта, выраженного сочетанием прилагательное + существительное: *У нее была большая комната с обычной мебелью девушки, но эта комната была **какой-то** грустной, занавешенной шторами, скучной и почти пустой* (Джан). Факт приблизительной номинации представляет попытку рассказчика/персонажа с помощью НМ *какой-то* найти более точную характеристику описываемого предмета/объекта. б) отвлеченное понятие. Говорящий использует определение *какой-то*, когда испытывает затруднение обозначить предмет речи в силу высокой степени абстракции номинируемого. Напр.: *[В громадной горнице] ...под низким потолком висела лампа в тумане вздохов, и она тихо качалась **от какого-то сотрясения** земли* (Котлован); *Утром Воцеву ударил **какой-то инстинкт** в голову, он проснулся и слушал чужие слова, не открывая глаз* (Котлован). Существительные *сотрясение*, *инстинкт* использованы в семантически трансформированном (оказиональном) значении, что доказывается невозможностью употребления их без местоимения *какой-то*: смысл описываемых явлений лишь уподобляется буквальному пониманию слов.

Своеобразной стилевой чертой языка А. Платонова является тот факт, что приблизительность номинации воображаемого образа у писателя нередко передается в виде метафоры. Например, в описании эмоционального впечатления, производимого на девушку Москву музыкой Бетховена (Счастливая Москва): *...Грубая темная сила ... вставала со своего железного поприща и громила со скоростью вопля **какого-то** своего холодного,*

казенного *врага*, занявшего своим мертвым туловищем всю бесконечность. У А. Платонова НМ может являться строевым компонентом "зачином" метафорического целого: ...*Какая-то безветренность всей обстановки и создала, вместо колхозной нарастающей реки, лужицы-колхозики и целое болото такой артели* (Впрок).

2. С помощью НМ *что-то* категория приблизительности реализуется в обозначении абстрактных понятий социально-общественной, нравственно-этической, эмоциональной сферы: *Захар Павлович ничего не говорил, хотя в нем постоянно шевелилось что-то простое, как радость, но ум мешал ей высказаться* (Чевенгур); *Она словно ждала чего-то, что будет сейчас с нею, неизвестного или хорошего...* (Джан).

В повествовании А. Платонова применение категории приблизительности связано, в частности, с тем, что описываемое явление/объект не существует в реальной жизни: для героев "Чевенгура" и "Котлована" это касается устройства будущей жизни, воображаемого нового мира. В "Счастливой Москве" категория приблизительности значима в выражении оппозиции реальность/ирреальность, идеи двойственности существования героев, проходящей через весь роман.

В **Заключении** диссертации обозначены перспективы дальнейшего научного исследования: изучение НМ и НМН в прозе А. Платонова в стилистическом аспекте; в частности, сопоставление авторской речи и речи персонажей. Представляет интерес сопоставительный анализ функционирования НМ в произведениях А. Платонова и других писателей. Весьма перспективно изучение О/Н на уровне дискурса, что предполагает рассмотрение функционирования НМ и НМН в коммуникативных стратегиях высказывания.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Функционирование категории неизвестности в художественном тексте // Аспирантский вестник Поволжья: Научно-информационный межвузовский журнал – Самара, 2007. – № 3-4(12). – С. 5-10. (Список ВАК).

2. Проблемы изучения функционирования НМ в художественном тексте в русистике // Вестник Самарского государственного педагогического университета: 60-летию Победы посвящается: Институт филологического образования. – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 166-177.

3. Изобразительно-выразительные возможности средств неопределенности в прозе А. Платонова // Вестник СФ МГУП. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 5. – Москва, 2005. – С. 27-33.

4. Неопределенные местоимения как средство создания психологической характеристики персонажа в прозе А. Платонова // Вопросы языка и

литературы в современных исследованиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие" VII Кирилло-Мефодиевские чтения. Ч.1. Вып.2. – М.-Ярославль: Ремдер, 2006. – С. 8-13.

5. Средства неопределенности в рассказе А. Платонова "Железная старуха" // Вестник Самарского государственного педагогического университета: Институт филологического образования. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 80-84.

6. К вопросу о своеобразии языка А. Платонова // Сборник материалов Международной научной конференции "Имя и слово (проблемы семантико-грамматического взаимодействия в славянских языках)" Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Брест, 2007. – С. 20-23.

7. Категория неизвестности в выражении пространственных отношений в романе А. Платонова "Чевенгур" // Лингвометодическая подготовка студентов-филологов: Материалы Международной научно-практической заочной конференции памяти профессора В.А. Малаховского. – Самара, 2007. – С. 57-62.

8. Неопределенные местоимения как средство выражения категории неизвестности в повести А. Платонова "Джан" // Наука и культура России: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (26-27 мая 2008). – Самара, 2008. – С. 173-175.